

ИСТОРИЯ

Сергей Викторович ГРИГОРИШИН¹

УДК 94 (354)

ТЕОРИЯ БЕННО ЛАНДСБЕРГЕРА О СВОЕОБРАЗИИ ПОНЯТИЙ ДРЕВНИХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

¹ кандидат философских наук,
доцент кафедры археологии,
истории Древнего мира и Средних веков,
Тюменский государственный университет
s.v.grigorishyn@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена теория Бенно Ландсбергера о своеобразии понятий шумерской, аккадской и древнееврейской культур. В начале исследования показано влияние на теорию “Eigenbegrifflichkeit” («своеобразие понятия») термина “Eigenthümlichkeit”, представленного в философии языка В. фон Гумбольдта. Далее проанализированы взгляды В. фон Зодена и О.-Д. Эдцарда, учеников и последователей Б. Ландсбергера. Раскрыта взаимозависимость теории “Eigenbegrifflichkeit” Б. Ландсбергера и теории “Listenwissenschaft” В. фон Зодена. Указаны аргументы О.-Д. Эдцарда в пользу практического использования этих теорий.

В статье также представлен обзор критики теории Ландсбергера со стороны ряда современных ассириологов, в частности, описана попытка В. Заллабергера доказать абстрактность и невыполнимость задач, поставленных Б. Ландсбергером. Кроме того, упомянута более взвешенная позиция Г. Зельца, который в своей умеренной критике Б. Ландсбергера исходит из предпосылок психологии Ж. Пиаже. В выводах приведены контраргументы в пользу теории своеобразия понятий и научной несостоятельности критики В. Заллабергера и Г. Зельца.

Цитирование: Григоришин С. В. Теория Бенно Ландсбергера о своеобразии понятий древних ближневосточных культур / С. В. Григоришин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 4. С. 113-128.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128

Главными результатами проведенного исследования являются: 1) доказательство исторической преемственности в изучении теории своеобразия понятий Б. Ландсбергера с исследованиями В. фон Зодена и О.-Д. Эдцарда; 2) прямая соподчиненность учений о шумеро-аккадской «науке в списках» и билингвизма древневосточных культур В. фон Зодена с теорией своеобразия понятий Б. Ландсбергера; полная поддержка и продолжение исследований шумеро-аккадской науки в списках В. фон Зодена со стороны О.-Д. Эдцарда; 3) значительные научные перспективы изучения теории своеобразия понятий и учения науки о списках в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова

Идеограмма, своеобразное понятие, древние реликтовые языки, семитские языки.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128

Раскрытие понятий Древнего Ближнего Востока является проблемой, без решения которой не представляется возможным эффективное исследование древних культур. Хорошей опорой в ее решении становится философия языка Вильгельма фон Гумбольдта, центральное понятие которой — “Eigenthümlichkeit” («своеобразие») вобрало и выразило суть искомого принципа определения в одном слове строения мышления, раскрытого через систему грамматических категорий [2]. К кристаллизации этого понятия мы приходим через цепь следующих рассуждений. Каждая культура по причине развития человеческой духовной силы имеет собственную цель. Результаты духовной работы поколений зафиксированы в устной речи и письменных текстах. Соединение категорий языка и мышления в одно мировоззрение дает представление об определенной, отдаленной во времени или пространстве, культуре. Такой категорией является «своеобразие» (“Eigenthümlichkeit”) наций, языков, культур. Сам Гумбольдт тяготел к изучению индоевропейской языковой семьи, без отдельного обращения к семитской древности. Намного позже, почти через сто лет, началось изучение своеобразия понятий древних реликтовых (шумерский) и семитских (аккадский и древнееврейский) языков. Автором теории своеобразия понятий является немецкий и американский ассириолог Бенно Ландсбергер (1890-1968), который внес значительный научный вклад в развитие филологии Древнего Ближнего Востока, а разработанная им теория своеобразия понятий (“Eigenthümlichkeit”) существенно повлияла на шумерологию, аккадистику и гебраистику. Главные принципы теории Б. Ландсбергера отображены в его статье «Своеобразие [понятий] вавилонского мира». Авторитетные ассириологи — В. фон Зоден, А. Лео Оппенгейм, Д.-О. Эдцард, В. Заллабергер, Г. Зельц, неоднократно ссылались на эту работу как на значительный вклад в теорию философского осмысления ассириологии. Наша статья посвящена описанию теории своеобразия понятий и порожденной ею философской традиции в немецкой ассириологии.

Целью статьи является обоснование значения теории о своеобразии понятий древних ближневосточных культур Бенно Ландсбергера для современных исследований в области истории Древнего мира, что доказано с помощью экспликации исторической преемственности в изучении этой темы и плодотворных дискуссий на современном этапе развития ассириологии.

Б. Ландсбергер формулирует главную задачу следующим образом: «Как возможно средствами филологии корректно и живо восстановить старую, чужую культуру, причем без помочей в виде сохранившейся до сегодняшнего дня непрерывной традиции?» [3, с. 355-356]. Разрешение этой проблемы ученый видит в разыскании своеобразия понятий шумерской, вавилонской и еврейской культур. Свой подход Ландсбергер описывает так: «В ходе работы я применял эвристический метод, т. е. не пытался приступить к изучению чужого духа, исходя из стабильной системы базовых понятий, и прояснить, насколько чужая культура сводима к ней. При таком подходе я мог бы найти в предмете только то, что итак уже находится в поле моего зрения. Масштаб, присущий тому духовному миру, который мне предстоит расшифровать, может быть считан только с самого этого мира. Это нахождение понятийного мерилы определенной культуры происходит таким образом, что относимое и то, к чему оно относится, приближаются друг к другу, оба приобретая большую отчетливость и различаемость» [3, с. 358].

Стоит обратить внимание на идею Ландсбергера о том, что, изучая своеобразие понятий другого культурного мира, нужно иметь четкое представление о своеобразии понятий своей собственной культуры. Это недвусмысленный и четкий ответ В. Заллабергеру и Г. Зельцу (речь о которых пойдет ниже), считавшим, что понятийный аппарат Ландсбергера зависим от своей эпохи и потому не может служить мерилем своеобразия понятий других культур. Ландсбергер не утверждал, что созданная им теория основывается на системе универсалий. Это вовсе не какой-то набор чистых понятий, независимых от породившего их культурного контекста. Наоборот, чуткая интуиция и ясное представление о системе понятий своего времени дает опору при анализе идентичных понятий, возникших и действовавших в древнем ближневосточном культурном мире. И стремление исследователя, по мнению Ландсбергера, заключается в том, чтобы «прийти к богатым, развернутым жизненным понятиям» [3, с. 358].

В отношении этого Ландсбергер пишет следующее: «Полученные таким образом собственные понятия определенной культуры следует теперь связать с системами — сначала с системой собственных грамматических понятий (*grammatischer Eigenbegriffe*), что непосредственно ведет нас к понятию внутренней формы языка, затем с системой понятий, относящихся к созерцанию пространства, и далее со все более специальными системами, вплоть до закрытых систем определенных профессий или занятий (право, торговля). Только через конструирование понятийной системы мы можем прийти к культуре. Без этой высшей математики собственных понятий, из обычной алгебры, представленной мною выше, может получиться только бессвязная совокупность, но не духовное целое» [3, с. 359]. Систему своеобразных понятий древних культур легче представить в схематичном виде (табл. 1).

Таблица

Системы своеобразных понятий по Ландсбергеру

Table 1

Peculiar notions systems according to Landsberg

Своеобразные понятия	Общие системы своеобразных понятий	Специальные системы своеобразных понятий	Системы понятий древних ближневосточных культур
1) своеобразные лексические понятия (лексические списки, моно- и билингвы); 2) своеобразные грамматические понятия (морфология шумерского имени существительного, морфология аккадского глагола, древнееврейский библейский синтаксис).	1) система грамматических понятий (созерцание времени); 2) система понятий апперцепции (созерцание пространства).	1) открытые системы (общий словарный фонд); 2) закрытые системы (профессиональный словарь в сфере права, астрономии, медицины, религии и пр.).	1) система понятий шумерской культуры; 2) система понятий вавилонской культуры; 3) система понятий древнееврейской культуры.

Описание требует каждая отдельная система понятий культур Древнего Ближнего Востока. Главное внимание будет сконцентрировано на первой и четвертой колонках таблицы. Вторая и третья колонки, тематизирующие общие и специальные своеобразные понятия, оставляется нами вне рассмотрения. Базовые принципы определения своеобразия понятий были даны в первой колонке. Обращаясь к системам понятий отдельных древних ближневосточных культур, стоит обратить внимание на следующее: конкретные примеры своеобразных понятий даются Ландсбергером крайне редко; шумерские понятия представлены ограниченным набором примеров, хотя среди них упоминаются важные для мифологической системы шумеров понятия “nam” и “me”; система аккадских понятий анализируется в качестве грамматического материала для исследования аккадского глагола. Другими словами, ключевую роль здесь играет не лексика, а морфология. Конкретные примеры своеобразных понятий древнееврейского мира, за исключением семантики понятия «бог», ученый не упоминает вовсе.

В общем плане изложение темы строится по схеме «шумерский мир — вавилонский мир — еврейский мир»¹. Практическую реализацию анализа своеобразия культуры Древнего Ближнего Востока Ландсбергер начинает с рассмотрения своеобразных понятий шумерского мира. Ученый проводит анализ

¹ Понятия «еврейский» и «древнееврейский» мы используем как синонимы.

грамматических особенностей шумерского языка, который «чрезвычайно беден корнями, вследствие чего его важнейшая функция заключается в комбинировании простых элементов в сложные слова. Кроме того, абстрактный смысл немногих и чрезвычайно неподвижных корней варьируется посредством локальных экспонентов... Характерно строение предложения. Сначала из общего представления выделяются все предметы, имеющие отношение к действию, и ставятся в начало предложения, а затем с помощью глагола они связываются воедино, причем тип связи глагола с предметами выражается с помощью приставок глагола» [3, с. 367-368].

Далее Ландсбергер предлагает выражение, которое резко и неожиданно выводит читателя в экстралингвистическую плоскость. Он использует формулировку «внеязыковой порядок вещей» (“eine übersprachliche Ordnung der Dinge”). Такой принцип, по мнению ученого, лежал в основании своеобразия шумерского мира. Аргументацию в пользу реального существования этого принципа находит в этиологическом характере построения шумерских мифов и в этимологии (к слову, очень энigmatичной и непрозрачной для понимания ученых по сей день), имен шумерских богов. «Однако наиболее существенной является первичная связь вещи и имени, когда имя получает исключительную власть над вещью. Но шумеры ко времени контактов с аккадцами имели не только язык, но и надязыковой порядок вещей, рожденный, в свою очередь, из духа языка. В общих чертах мы можем представить его следующим образом. Уже дописьменных шумеров следует представлять как народ с богатой, преимущественно объяснительной мифологией, о чем свидетельствуют имена богов и названия храмов. Но ее первая стадия, на которой богами были сами вещи, например, небо и земля, давно уже стала доисторической. Божественное небо присутствовало и в позднейшем пантеоне, но не имело власти и вынуждено было передать власть “госпоже небес” — типичный духовный процесс. Письмо позволило этому мифологическому мировоззрению породить псевдонауку. Благодаря тому, что каждая вещь получила имя, наглядно представленное в виде письменного знака, людям впервые открылось отличие между реальным миром и миром сознания — и сразу же было ликвидировано в результате их отождествления. Всегда склонный к поиску параллелей, шумерский дух видел, наряду со взаимопереходом и хаотичностью вещей, упорядоченную соположенность имен и, нимало не колеблясь, приписывал именам большую действительность, нежели вещам. Если, например, имя en-ki говорило, что его носитель — господин земли, то подразумевалось, что разложение имени позволяет понять значение, сущность вещей. Собираение и упорядочивание имен, в которых одновременно давался и порядок вещей, было первым актом науки» [3, с. 368].

Другими словами, внеязыковой порядок вещей, существовавший, согласно гипотезе Ландсбергера, еще в дописьменный период, определил главенствующую роль имени в языке с момента его фиксации на письме. Миры вещей и языка были отождествлены на общей платформе идеографической письменности, где слово вобрало в себя возможность отобразить характерные особен-

ности вещи, которые на письме соприкасались между собой на основе внеязыкового порядка вещей. В системе письма отдельная идеограмма соединяла в себе свойства вещи и слова. Она не отображала вещь в собственном смысле слова, т. к. не была пиктограммой. Внеязыковой порядок соединения вещей не отображал, а выражал вещь через сложную и труднообъяснимую, с точки зрения современного сознания, систему идеограмм.

Главными понятиями, которые указывают на своеобразие шумерского мира, являются, по Ландсбергеру, “nam” и “me”: «Но одного только имени недостаточно, чтобы дать вещи связь с другими вещами, которая, как мы убедились, составляет основную шумерскую форму мысли. Для этого необходимо еще одно понятие, трудно переводимое “nam”, обозначающее приблизительно “сумму воздействий вещи на внешний мир” и свойственное, словно бы некая формула судьбы, каждой вещи. Кроме того, связи между вещами регулируются “me”, “божественным порядком вечной, неизменной значимости”; государственная жизнь регулируется в первую очередь понятиями “истина” и “настоящее изменение” (“nig-ginna” и “nig-sisa”), т. е. “стабильный правовой принцип” и “каждый раз восстанавливаемое царем социальное равновесие”. Это мир божественных понятий порядка; божественных потому, что боги с их помощью воздействуют на мир, но и сами эти понятия, посредством присущей их произношению подчеркнутой аффектации вызывают в человеке благоговение перед божественным. Сумма воздействий божества на мир описывается понятием божественного nam, причем каждому богу приписывается особая функция, но совершенно не имеет значения личность бога. “Nam” и “me” могут переходить от одного бога к другому — стало быть, не монотеизм, но монотеотетизм (Monothetotetismus), учение о единой божественности. Если бы эти понятия порядка потеряли свой религиозный привкус, они стали бы вполне пригодными элементами философского миропорядка» [3, с. 368-369].

Указывая на важнейшую роль этих понятий для шумерского мира, Ландсбергер четко отличает их от этих же понятий, но в контексте вавилонского мира и аккадского языка. «Однако аккадцы, с огромным энтузиазмом усваивавшие шумерские понятия, напротив, еще больше усилили их религиозный характер, поскольку их полностью противоположный связывающему мышлению шумеров дух превратил шумерские понятия порядка в семитские понятия предметов» [3, с. 369]. Сложнейшее строение системы шумерских своеобразных понятий основано на семиотической дихотомии «вещь/имя (предмет/понятие)». Теоретико-познавательный аспект шумерского понятия дан ниже, в контексте изложения своеобразия аккадского понятия.

Схема «шумерский мир — вавилонский мир — еврейский мир» сохраняется Ландсбергером и в изложении своеобразия понятий вавилонского мира. В процессе анализа аккадских грамматических категорий как своеобразных понятий Ландсбергер упоминает категорию апперцепции. Это намекает на то, какое значение для Ландсбергера имела кантианская теория познания. В отдельной статье мы подробно рассмотрим глубину и масштабы такого влияния.

Здесь лишь обратим внимание на соединение временных показателей аккадского глагола с пространственными характеристиками понятия, взятого целиком в контексте узуса трансценденталистов. Система своеобразных понятий вавилонского мира формируется на основании классификации предметов по количественному принципу. Субъект восприятия и созерцания видит предмет с помощью апперцепции, которая выступает в качестве посредника между понятием и предметом. Понятия конституируют мир в предельно простом виде. Ландсбергер делает следующие выводы: «Что касается мира вавилонян, мы пришли к следующей картине. Базовыми элементами, конституирующими мир, являются немногие чистые понятия предметов. Уже их малое количество свидетельствует о бедности признаков. Они не делятся на классы... Предметом апперцепции здесь является количественная группировка предметов. С помощью простого средства образуется система понятий отдельных вещей и множеств, позволяющая разнообразнейшие различения. Понятия предметов представляют собой нерасчленимые атомы апперцепции. Сквозное упорядочение путем подчинения видовых понятий родовым неизвестно» [3, с. 365-366].

Что же Ландсбергер понимает под выражением «нерасчленимые атомы апперцепции», являющимися «понятиями предметов»? Это проясняется артикуляцией предпосылок системы кантовской трансцендентальной философии. Ландсбергер употребляет понятие «атом» в переносном, а не в прямом смысле слова. Здесь никак не уместно обращение к физике и упоминание о строении атома. Ландсбергер берет «атом» как понятие неделимости чего-либо. «Нерасчленимый атом» отождествляется с понятием предмета, а общее число таких понятий переплетается с общим представлением о мире у отдельного субъекта. В качестве апперцепции эти понятия входят в восприятие мира, которое основано на комплексе знаний о таком мире со стороны воспринимающего субъекта. Точка зрения субъекта обуславливается как логическими, так и грамматическими понятиями. Статичные понятия предметов входят в мир динамичных состояний и процессов. В языковом плане морфологические признаки глагола выстраивают осмысленное выражение без помощи имени существительного. Последнее в качестве понятия предмета остается неподвижным и не требует вхождения в семантическую или этимологическую структуру.

По Ландсбергеру данные процессы наблюдаются следующим образом: «Этому ограниченному неповоротливому набору понятий противостоит... богатый и чрезвычайно дифференцированный запас состояний и процессов, где последние классифицируются по типу их разворачивания, независимо от того, берется во внимание сам процесс или его результат. Но и эта классификация имплицитна и не ведет ни к какому порядку событий. Богатство глаголов не возникает благодаря дифференциации понятия через прием чуждых ему признаков... Скорее они испытываются в эмпирии повседневной жизни и приспособляются к ее потребностям, безо всякой роскоши. Они образуют инструмент точного наблюдения и наглядного изображения. Таким образом, мы прибавили еще одну существенную черту представленной изолированности понятий:

отсутствие связи между отдельными понятиями. Разумеется, посредством предложения глагол ставится в связь с одним или несколькими предметами. Но эта связь не учреждает нового понятия, которое — например, в форме сложного слова — обогатило бы понятийный мир. И так, твердая связь двух атомов языка невозможна» [3, с. 366-367].

Итогом предварительного изучения системы своеобразных понятий вавилонского мира является заключение, что сами понятия предметов вторичны по отношению к процессам и действиям, в которые они вовлечены. Понятия предметов, взятые в контексте культуры Древнего Ближнего Востока, часто имеют шумерское происхождение. В процессе перехода из шумерского в аккадский интеллектуальный и религиозный контекст они теряют свою ключевую роль в предложении. В то же время при переводе с шумерского на аккадский язык понятия предметов (как об этом свидетельствуют лексические списки, например, “AN: Anum ša ameli”) остаются базовыми в плане строения аккадских религиозных воззрений.

О своеобразии понятий древнееврейского мира Ландсбергер говорит довольно скупое. Взгляд ученого нацелен на мир Танаха. Ландсбергер сразу же обращает внимание на феномен еврейского монотеизма, который охватывает весь спектр темы “Eigenbegrifflichkeit” для евреев, также как идея генотеизма для мира вавилонян. Сравнивая общие представления о верованиях двух семитских народов, Ландсбергер пишет: «Является ли еврейский монотеизм более высоким духовным достижением, чем вавилонское понятие единственной божественности, — вопрос праздный; возможно, вавилонский ученый, для которого божество правит лишь через установление миропорядка, так же свысока ухмылялся бы каждый раз механически вмешивающемуся богу Израиля, как еврейский пророк высмеивал бы вавилонских идолов. Заслуга евреев заключается в том, что они положили конец исключительной привилегии ученого языка на понятие бога» [3, с. 369-370].

К сожалению, ученый не идет вглубь этого утверждения и не разворачивает картину, где было бы показано, как именно понятие бога выходит из жреческой среды в мир культуры простых евреев. Хотя сам факт различения еврейского монотеизма и вавилонского генотеизма известен, но с позиции теории своеобразия понятий он не изучен. Этот факт свидетельствует о том, что теория Ландсбергера имеет значительные перспективы в библеистике, где, как и в ассириологии, всегда не очень чутко относились к привлечению философского понятийного аппарата в филологический анализ текста. Преодоление отторжения филологами философских понятий позволит эксплицировать тезисы Ландсбергера и верифицировать их на конкретном материале.

Возвращаясь к вопросу о своеобразии понятий еврейского мира, важно отметить, что Ландсбергер целиком сохраняет схему «шумерский мир — вавилонский мир — еврейский мир». Взаимоотношения между своеобразием шумерских и еврейских понятий ученый видит в том, что еврейское понятие о Боге вырывается из сложно структурированной иерархии личных имен божеств,

представленных в лексических списках по типу шумеро-аккадской билингвы “AN: ^dA-nu-um” [4]. Опираясь на выводы Германа Шнайдера, Ландсбергер считает, что еврейский мир уникален «в оживлении божества, в превращении его в управителя истории из некогда связанной шумерскими понятиями порядка элеатской косности» [3, с. 370]. Корреляция понятий вавилонского (аккадского) мира и мира древних евреев также коренится в языке: «С одной стороны — всегда параллельно построенные аналитические предложения аккадца, с другой — живейший калейдоскоп форм предложений, аспектов и перспектив, которые определяют для еврейского языка судьбу языка истории» [3, с. 370]. Другими словами, своеобразие понятий двух указанных семитских культур лежит на уровне синтаксиса древнееврейского и аккадского языков. Более детального изложения теории своеобразия понятий еврейского мира у Ландсбергера нет.

В работе «Двуязычие духовной культуры Вавилонии» (1960), посвященной характеру и последствиям двуязычия Вавилонии и Ассирии, В. фон Зоден писал, что «обязательным для прочтения, но, к сожалению, слишком сжатым для читателя, не знакомого с проблемой близко, является шедевральный очерк Б. Ландсбергера» [7, с. 6]. В согласии с принципами теории Ландсбергера, фон Зоден вычленил своеобразие шумерских и аккадских грамматических понятий: «Большое значение для своеобразия вавилонского двуязычия имел тот факт, что агглютинативный шумерский и флективный аккадский языки в корне различались. Шумерский язык сравнительно беден корнями и поэтому его способность разграничивать понятия с помощью простых слов очень ограничена. Грамматических средств образования глаголов из существительных и существительных из глаголов с целью создания новых слов нет. Тем богаче способность этого языка творить составные слова — как существительные, так и глаголы. Основной компонент, общий для сложных слов со схожим значением, легко становится родовым понятием для образованных с его помощью составных понятий. В отличие от шумерского, аккадский, как и все семитские языки, был очень богат корнями глаголов и существительных и, кроме того, с помощью грамматических средств мог вывести из каждого глагольного корня немало существительных, хотя из корней существительных глаголы выводились лишь в ограниченных масштабах. Но образованные с помощью одного корня слова в основном относились к разным понятийным категориям: по крайней мере, здесь соседствовали абстрактные и конкретные понятия. Поэтому было невозможно передать в аккадском языке крупные группы шумерских сложных слов с общим основным словом путем выведения существительных из одного корня. Образование сложных слов в собственном смысле в аккадском языке было поначалу невозможным. Однако под шумерским влиянием некоторые из генитивных сочетаний, образующих ударную единицу, становились вторичными сложными словами. Сложных глаголов семитский язык вообще не знает. Зато чрезвычайно богатый формами аккадский глагол имеет более широкие возможности дифференцировать глагольные выражения, чем шумерский, однако не в состоянии (как и мы) передать

определенные элементы шумерских цепочек префиксов» [7, с. 11-12]. В то же время, опираясь на теорию своеобразия Ландсбергера, фон Зоден шел от идентификации отдельных понятий к общим и специальным системам и выходил на тему своеобразия шумерского и аккадского (вавилонского) миров. «Упомянутой здесь большой разнице между двумя языками соответствовало различие духовного мира шумеров и аккадцев, поэтому нельзя предполагать, что двуязычная культура Вавилонии вследствие симбиоза двух культур была замкнутой и единой. Скорее, обогащение духовной культуры таким многообразным наследием произошло ценой того единства, которое так впечатляет нас — при схожих природных условиях — в Египте. Мы еще не можем по достоинству оценить последствия взаимопроникновения изначально различных мыслительных миров и взаимодействия различных мыслительных структур во всех областях духовной жизни, доступной нам на основе источников. В отдельных случаях доступные источники недостаточны, в других случаях, из-за своей полноты, они еще не освоены настолько, чтобы открыть стоящий за ними духовный мир в той степени, в какой это позволяет дистанция во времени» [7, с. 12-13].

Также как и Ландсбергер, фон Зоден подчеркивал зависимость вавилонской культуры от шумерского духовного мира, которая заключалась в мифологии, науке и ритуальной религиозной системе. Этот тезис ревниво отвергает любой семитолог, способный договориться до утверждения о зависимости шумерской культуры от культуры аккадской. Ни Ландсбергер, ни фон Зоден, ни Эдцард этот тезис не подтверждали, а, наоборот, тщательно подчеркивали фундаментальную роль шумерской культуры для полноценного развития семитских народов. В то же время фон Зоден не был нацелен на конфликт и бессодержательную дискуссию вокруг вопроса шумеро-аккадского взаимовлияния. Исследователь приходит к выводу, что синтез двух культур — от лексических списков до мифологических текстов — есть не что иное, как взаимное творческое достижение: «Самым значительным в том, что мы понимаем под своеобразием вавилонского мышления, является познание того, что встреча совершенно разных образов мышления, таких как образы мышления шумеров и семитов, может подтолкнуть значительные духовные достижения, которые ни один из этих народов не мог бы достичь в одиночку» [7, с. 33]. Теория двуязычия вавилонского мира опиралась в теоретических предпосылках на принципы теории своеобразия понятий. В. фон Зоден соединил тему экспликации понятий древних ближневосточных культур с описанием культурного контекста, где эти понятия возникли и получили новое, но зависимое от основного прочтение.

Теперь рассмотрим влияние теории своеобразия понятий Бенно Ландсбергера на теорию типов рациональности Дитц-Отто Эдцарда, который в 1999 г. опубликовал статью «Наука о шумеро-аккадских списках и другие аспекты древнемесопотамской рациональности», основанную на теоретических принципах Б. Ландсбергера и В. фон Зодена. В полном согласии с теоретическими установками Гумбольдта и Ландсбергера, Эдцард подчеркивает важность осознания того, что понятийный аппарат современного ученого радикально

отличается от представленного в шумеро-аккадских лексических списках: «Сначала укажем на одну сложность, с которой мы сталкиваемся, желая углубиться в культуру Древнего Междуречья. Мы не можем подходить к этой культуре с представлениями и понятиями, которыми обладаем благодаря нашему греческо-римскому и христианско-иудейскому наследию, не говоря уж о нашем средневековом, гуманистическом и современном европейско-американском понятийном мире» [1, с. 246]. При всей очевидной значимости тезиса Эдцарда, его следует вновь и вновь артикулировать и оживлять в памяти каждого нового поколения ученых.

В то же время, в научных кругах проявляется тенденция, которая противостоит тезису Эдцарда с иной стороны. Суть ее заключается в том, что ясное и полное понимание семантики лексических списков недостижимо, поэтому нужно руководствоваться собственным понятийным аппаратом как единственно научно обоснованным способом изучения этих списков. Идея о типах рациональности, предложенная Эдцардом в качестве дополнения к учениям Ландсбергера и фон Зодена, с этой стороны воспринимается как филологически необоснованная и научно абстрактная, но Эдцард находит аргументы для защиты своей позиции. Он пишет: «Когда мы говорим о “типах рациональности”, которые отображены в древнешумерских и в двуязычных шумеро-аккадских списках, а также в клинописных текстах другого типа, то нужно настаивать на том, что в древнемесопотамском словаре и мышлении мы не найдем ни строгой типологии, соответствующей нашим современным представлениям, ни понятия “ratio”, то есть, что мы можем подвергнуться критике за анахронистическую аргументацию» [1, с. 246].

Сам Эдцард признает, что мы «не можем выстраивать наш понятийный аппарат на основе понятий из 650, 1650 или тем более 2650 г. до н. э. или заменять его на древнемесопотамский» [1, с. 246]. Однако он дает предварительное определение условного месопотамского словаря, содержащего перечень своеобразных понятий этого культурного пространства: «Под древнемесопотамским словарем, из которого я хочу исходить, я подразумеваю словарь двух языков, характерных для культуры Междуречья и поспособствовавших ее широкому распространению: шумерского и аккадского» [1, с. 246]. Ученый уточняет, что «при обращении с шумерскими и аккадскими источниками мы попадаем в доантичный мир со своеобразными понятиями (“eigenbegriffliche” Welt)» [1, с. 247]. Эдцард предостерегает от наивных попыток подойти к этому миру с собственным понятийным аппаратом: «Исследователь постоянно подвергается искушению спроецировать свой сегодняшний понятийный мир на стык IV и III тысячелетий до нашей эры» [1, с. 247]. Таким образом, Эдцард с его концепцией типов рациональности замыкает круг последователей теории своеобразия понятий, в который входили автор теории Б. Ландсбергер, его ближайший ученик и последователь В. фон Зоден и соавтор Ландсбергера по составлению Чикагского Ассирийского словаря А. Л. Оппенгейм, который поддержал теорию своеобразия понятий в своем известном труде.

Критика теории своеобразия понятий впервые была осуществлена в развернутом виде Вальтером Заллабергером в статье «Своеобразие понятий Бенно Ландсбергера в научно-исторической перспективе» (2007). Автор статьи рассматривает теорию Ландсбергера в контексте развития ассириологии в 1922-1926 гг. К этому времени относятся ключевые работы А. Даймеля, Ф. Тюро-Данжена, А. Пибеля, К. Бецольда, А. Унгнада, Б. Майснера. Список их работ Заллабергер приводит в конце своего исследования [5, с. 80]. Описав в общих чертах особенности теории своеобразия понятий, Заллабергер возводит ряд ключевых понятий Ландсбергера в контекст развития филологии, философии и психологии конца XIX — начала XX в. [5, с. 71-75]. В первую очередь, речь идет о понятии «науки о духе» (“Geisteswissenschaften”). Действительно, баденская школа неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта и философия жизни В. Дильтея, а также их последователи, активно разрабатывали научную платформу наук о духе. Это было ответом на хорошо обоснованную к тому времени теорию наук о природе. Науки о духе были также представлены психологией народов В. Вундта, которая восходит к направлению этнической психологии Г. Штейнталя и М. Лацаруса. Заллабергер считает, что понятие «апперцепция» заимствовано Ландсбергером у Вундта [5, с. 71]. В то же время Заллабергер не забывает, что теория внутренней формы языка восходит к Гумбольдту, хотя и не придает этому влиянию особого значения.

Оригинальная составляющая теории своеобразия понятий Ландсбергера представлена коротко и конспективно, но в целом корректно. Заллабергер также упоминает теорию Ландсбергера о классификации цветового спектра вавилонянами и критикует ее за абстрактность и недоказуемость ключевых положений. В завершение статьи Заллабергер задается тем же вопросом, который волновал в свое время Оппенгейма: почему теория своеобразия понятий не была принята научным сообществом историков и филологов? [5, с. 78]. С точки зрения Заллабергера, «контекст написания труда Ландсбергера, эпоха, в которую он был написан, позволяют понять, почему его тезисы не были восприняты, и почему не последовало их научного обсуждения в ассириологии и семитологии: методологический подход, не подвергаемые сомнению предпосылки существенно изменились. Противодействие в форме строгого ограничения «ремесленничеством», филологией клинописи в узком смысле при возрождении науки в послевоенное время также касается не только ассириологии, но представляет собой повсеместный феномен; однако нужно признать, что уже около двух десятилетий исследовательский интерес снова становится более широким» [5, с. 78].

Главная проблема теории своеобразия понятий состоит, по мнению Заллабергера, в использовании Ландсбергером современных в его эпоху философских категорий и базовых предпосылок трансцендентальной философии. «“Своеобразие” также стало жертвой внутреннего противоречия, которое заключалось в стремлении объяснить вавилонскую культуру в ее своеобразии, но при этом оценивать ее исходя из неартикулированного идеала абстрактного аналитиче-

ского мышления, а также жертвой методической невозможности описать язык “из самого себя” без привнесенных извне категорий. При этом именно дистанция во времени позволяет распознать зависимость категорий Ландсбергера от его собственной эпохи» [5, с. 78]. На основании таких результатов Заллабергер делает вывод: «Вопросы о более глубоких взаимосвязях между явлениями всегда будут представлять вызов для науки; отношение между мышлением и языком всегда будет удивлять, но при этом никто больше не будет делать умозаключение непосредственно от языка к духовному миру. Значение Ландсбергера всегда будет заключаться в том, что он в новаторском эскизе сумел поставить подобные основополагающие вопросы в рамках ассириологии и для нее» [5, с. 78]. Заллабергер скептически настроен по отношению к эвристическому потенциалу теории своеобразия понятий. Даже сам факт анализа понятий, зависимый от философии, чужд его исследовательским установкам. Однако ученый не может игнорировать тот факт, что другие методы после Ландсбергера ассириология не разработала. Вместо этого Заллабергер предлагает поменять отношение к проблемам взаимоотношения языка и мышления и не выходить за рамки исследования, которое способно верифицировать свои результаты и достижения с помощью лингвистики, истории и археологии.

Более терпимую позицию к теории своеобразия понятий принимает Гебхард Зельц. В статье «Замечания об эмпирической основе и схоластических традициях раннемесопотамского приобретения знания» (2001) Зельц ссылается на ошибочные, как это было показано выше, выводы Заллабергера: «Также чрезвычайно влиятельным было понятие Б. Ландсбергера “Eigenbriffllichkeit”, которое берет свое начало, как недавно показал В. Заллабергер, в традиции конца XIX в. в “социальной психологии”, особенно в формулировке В. Вундта» [6, с. 53]. Зельц, вслед за Заллабергером, иронически относится к мысли Ландсбергера о своеобразии созерцания отдельных цветов вавилонянами: «Конечно, в наше время никто не стал бы делать вывод, что жители Месопотамии страдали особой формой дисхромотопсии, на том лишь основании, что в аккадском, предположительно, отсутствовало специальное слово со значением синего цвета, как это сделал Ландсбергер в отношении желтого и зеленого» [6, с. 53]. Однако Зельц, принимая во внимание слабые, по его мнению, стороны теории своеобразия понятий, все-таки видит ее значимость при условии корректного использования в рамках изучения лексики и семантики: «При правильном применении, понятие “Eigenbriffllichkeit” имеет множество преимуществ: прежде всего, отношение, которое пытается прояснить семантику шумерских и аккадских слов и “эпистемических миров”» [6, с. 53].

Зельц вспоминает слова Оппенгейма о том, как важно установить, что эти таблички значили для тех, кто их написал: «Это действительно нелегкое и, вероятно, бесконечное задание. То, что в немецкой философии называется “Leistung des Begriffs” (разъяснение — иностранной, или древней, или конкретной терминологии), остается ключевым для всех исследований Древнего Ближнего Востока» [6, с. 53]. Поэтому Зельц становится в равноудаленную позицию по

отношению к последователям Ландсбергера и его критикам. Во многом разделяя мнения о зависимости теории своеобразия понятий от категориального аппарата немецкой философии рубежа XIX-XX вв., Зельц исходит из убеждения, что изучать понятия в их семантической своеобразии необходимо. Однако методика должна быть усовершенствована и выведена на уровень современных достижений философской мысли в ассириологии. Подобного рода исследования должны опираться на теоретические принципы и разработки таких ученых, как Жан Пиаже и Петер Дамеров. С этой позиции роль теории своеобразия понятий и весь ее эвристический потенциал сведены к минимуму. Зельц опирается на выводы по изучению строения целостной структуры примитивного мышления, а не на результаты анализа отдельных его понятий.

Теория Бенно Ландсбергера о своеобразии понятий древних ближневосточных культур имеет, несмотря на обоснованную критику ее отдельных положений, большие перспективы в рамках философских, филологических и религиоведческих междисциплинарных исследований. Теория “Eigenbegrifflichkeit” рассчитана на системное изучение конкретных понятий в таком же объеме и в таких же масштабах, как в лексикографическом виде это реализовано в Чикагском ассирийском словаре. Между этим многотомным словарем и теорией своеобразия понятий есть одна связь, служащая хорошим доказательством ее перспектив — ключевым автором обоих ассириологических проектов был Бенно Ландсбергер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Edzard D.-O. Rationalitätstypen. K. Gloy (Hg.). Sumerisch-akkadischen Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität / D.-O. Edzard. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 1999. S. 246-267.
2. Von Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts / W. von Humboldt. Berlin, 1836. 511 s.
3. Landsberger B. Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt / B. Landsberger // *Islamica*. 2. 1926. S. 355-72.
4. Litke R. L. A Reconstruction of Assyro-Babylonian God-Lists, AN: dA-nu-um and AN: Anu ša amēli / R. L. Litke. New Heaven: Yale Babylonian Collection. 1998. 281 p.
5. Sallaberger W. Benno Landsbergers “Eigenbegrifflichkeit” in wissenschaftlicher Perspektive / W. Sallaberger // *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient. Sprache, Religion, Kultur, und Gesellschaft*. C. Wilcke (Hg.) Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2007. S. 63-82.
6. Selz G. J. Remarks on the Empirical Foundation of Early Mesopotamian Acquisition of Knowledge / G. J. Selz // *Wiener Offene Orientalistik*. Vol. 6. Wien, 2011. S. 49-70.
7. Von Soden W. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens / W. von Soden. Wien: Herman Böhlau Nachf, 1960. 33 s.

Sergey V. GRIGORISHYN¹

**BENNO LANDSBERGER'S THEORY
OF THE SPECIFIC CONCEPTS
OF THE ANCIENT NEAR EAST CULTURES**

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Archeology, Ancient History, and Middle Ages,
Tyumen State University
s.v.grigorishyn@gmail.com

Abstract

The article deals with B. Landsberger's theory of "eigenbegrifflichkeit" (specific concepts) of Sumerian, Akkadian, and Ancient Hebrew cultures. The theory is studied with respect to the term "eigenthümlichkeit" as it is presented in the philosophy of language by W. von Humboldt. The views of Landsberger's followers, W. von Soden and O. D. Edzard, are analyzed. The interrelation between Landsberger's theory of "eigenbegrifflichkeit" and W. von Soden's theory of "listenwissenschaft" is revealed. The author outlines O. D. Edzard's arguments in favour of the implementation of these theories. The article also gives the overview of criticism on Landsberger's theory by contemporary assyriologists. In particular, the author describes W. Sallaberger's attempt to prove the abstract character and unfeasibility of the tasks set by B. Landsberger. In addition, a more well-reasoned standpoint adopted by G. Zeltz, whose low-key criticism of Landsberger's theory is offered with due regard to the presuppositions of J. Piaget's psychology. In conclusion, the counterarguments are adduced to attest to Landsberger's theory of "einbegrifflichkeit" as well as to the groundlessness of W. Sallaberger and G. Seltz' criticism. The major results of the research reveal the following facts: 1) the evidence of the historical succession between B. Landsberger's theory of specific concepts and the studies by W. von Soden and O. D. Edzard; 2) the direct intersubordination of sumero-akkadian "listenwissenschaft" and bilingualism of ancient near east cultures; Edzard's complete support and extension of Sumero-Akkadian studies of Wolfram von Soden's "listenwissenschaft"; 3) significant

---

Citation: Grigorishyn S. V. 2016. "Benno Landsberger's Theory of the Specific Concepts of the Ancient Near East Cultures". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 4, pp. 113-128.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128

---

prospects of further modern studies of specific concepts and theory “listenwissenschaft” in contemporary historical investigations.

Keywords

Ideogram, specific concept, ancient relict languages, Semitic languages.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128

REFERENCES

1. Edzard D.-O. 1999. Rationalitätstypen. In: K. Gloy (ed.). 1999. Sumerisch-akkadischen Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität, pp. 246-267. Freiberg/München: Verlag Karl Alber.
2. Humboldt W. 1836. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin.
3. Landsberger B. 1926. “Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt.“ *Islamica*, no 2, pp. 355-72.
4. Litke R. L. 1998. A Reconstruction of Assyro-Babylonian God-Lists, AN: dA-nu-um and AN: Anu ša amēli. New Heaven: Yale Babylonian Collection.
5. Sallaberger W. 2007. “Benno Landsbergers “Eigenbegrifflichkeit” in wissenschaftlicher Perspektive.” In: C. Wilcke (ed.). 2007. *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient. Sprache, Religion, Kultur, und Gesellschaft*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, pp. 63-82.
6. Selz G. J. 2011. “Remarks on the Empirical Foundation of Early Mesopotamian Acquisition of Knowledge.” In: Selz G. J., Wagensooner K. (eds). 2011. *Wiener Offene Orientalistik*, vol. 6, pp. 49-70. Wien.
7. Soden W. 1960. *Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens*. Wien: Herman Böhlhaus Nachf.